

На правах рукописи

Великанова Елена Николаевна

**ГОСУДАРСТВЕННО–ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ПРИНЦИПАТА
ПРИ ПЕРВЫХ ПРЕЕМНИКАХ АВГУСТА**

(принципат Тиберия и Калигулы)

Специальность 07.00.03. – всеобщая история
(древний мир)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Диссертация выполнена на кафедре всеобщей истории исторического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Научный руководитель:

доктор исторических наук Вера Викторовна Дементьева

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук Александр Валентинович Махлаюк
(Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского),

кандидат исторических наук Александр Леонидович Смышляев
(Институт всеобщей истории РАН)

Ведущая организация: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Защита состоится « 23 » __ октября__ 2007 г. в _____ часов на заседании Совета по защите кандидатских диссертаций К.501.001.16 в МГУ им. М.В. Ломоносова по адресу: 119899, Москва, Ленинские горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов, ауд. 501.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеки МГУ (1-й корпус гуманитарных факультетов).

Автореферат разослан « ___ » _____ 2007 г.

Ученый секретарь Совета по защите кандидатских диссертаций:

Т.В. Никитина

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Государственно-правовая система принципата представляет собой уникальное явление не только в истории Древнего Рима, но и в мировой политической практике. Научное изучение ее ведется с XIX века. В историографии, особенно в отечественной, при исследовании принципата главный упор сделан на характеристике политической ситуации в период правления того или иного принцепса, на внутренней и внешней политике Римского государства. Такой исследовательский ракурс позволяет изучать различные аспекты «эпохи принципата» как своеобразного этапа в истории Рима. В тоже время, вопросам организации власти, ее структурам, механизмам их взаимодействия уделено значительно меньше внимания. В связи с этим есть необходимость обратиться к анализу «внутреннего устройства» принципата.

Объектом исследования является государственно-правовая система принципата, ее исторически сложившиеся элементы и механизмы функционирования.

Предмет исследования составляют конкретные структуры власти, образующие основу римского политического устройства в период правления Тиберия и Калигулы, и их эволюция в первой половине I в. н.э.

Цель и задачи исследования. Цель – изучение механизмов функционирования и взаимодействия структур власти Римского государства при первых преемниках Августа. При этом мы сознательно отказались от изучения комиций и унаследованных от Республики магистратур. Это обусловлено тем, что они должны являться предметом самостоятельного специального изучения, которое охватывало бы более широкий хронологический отрезок, так как за время правления двух принцепсов картина будет фрагментарной.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

Во-первых, обратиться к проблеме основ власти принцепса и выявить наиболее существенные полномочия, позволявшие ему действовать как в Риме, так и за его пределами; определить характер взаимодействия *princeps* и *populus*.

Во-вторых, рассмотреть принципы организации деятельности сената, определить задачи, стоявшие перед ним, выяснить роль сената и *domus principis* в политической системе принципата при Тиберии и Калигуле.

В-третьих, уделить специальное внимание функционированию должностей префектов и кураторов, ответить на вопрос о значении *officia* в системе исполнительной власти Рима.

В-четвертых, установить характер взаимодействия между изучаемыми структурами государственно-правовой системы, выяснить специфические черты принципата при Тиберии и Гае Калигуле.

Хронологические рамки исследования определяются 14-41 гг., на которые приходятся принципат Тиберия и принципат Калигулы. В правление Тиберия, а затем и Калигулы, отчетливо прослеживается преемственная связь

с принципатом Августа. Она проявилась в стремлении следовать общей политике, провозглашенной Августом, и была направлена на формальное сохранение «res publica restituta». Кроме того, при Тиберии и в первые годы правления Калигулы, по сравнению со временем Августа, произошла активизация деятельности отдельных республиканских структур власти.

Научная новизна работы заключается в самой постановке проблемы (изучение публично-правовой специфики принципата при первых преемниках Августа), в новой интерпретации источников, послуживших опорой для изучения системы принципата, в реконструкции государственно-правового порядка при Тиберии и Калигуле, осуществленной при использовании результатов новейшей историографии.

Методологическая основа исследования включает в себя общенаучные принципы и методы, в первую очередь, принцип историзма, позволяющий рассматривать события и явления в их развитии, и метод исторического моделирования. При изучении политической организации общества, отдельных структур государства, их деятельности большое значение имеют специальные методы (исторические и юридические). Юридические методы позволяют реконструировать «каркас» государственно-правовой системы принципата, а исторические дают возможность проследить динамику и общую тенденцию ее развития. Поскольку органы власти Римского государства изучаются не изолированно, а во взаимосвязи друг с другом, использовался историко-системный метод. Историко-правовой подход позволил описать фактические правовые и политические отношения, сложившиеся в периоды правления Тиберия и Калигулы. Для достижения поставленных задач нельзя было обойтись без историко-критического метода, приемов систематизации и терминологического анализа.

Источниковую базу исследования составляют античная традиция, эпиграфические памятники и данные нумизматики. Особое значение для характеристики принципата имеют законы, прежде всего Закон о власти Веспасиана. Несмотря на то, что этот Закон появился в правление Флавиев, в нем содержатся имена принцепсов из династии Юлиев-Клавдиев, в том числе Тиберия. Следовательно, опираясь на этот Lex, мы имеем возможность составить представление об объеме властной компетенции Тиберия и Гая. Сенатские постановления дают возможность сделать вывод не только об особенностях законодательной деятельности сената, но позволяют определить круг вопросов, входивших в сферу его компетенции. В протоколах жреческой коллегии арвальских братьев содержатся ценные для нашей темы сведения о событиях с точным указанием их дат. Такая информация помогают четко установить последовательность событий. Для изучения политических реалий существенную информацию дают фасты, которые содержат перечень имен консулов. Данные фаст позволяют выявить основные тенденции политики принцепсов по отношению к высшим должностным лицам государства. Они помогают определить, насколько значительным было влияние принцепса в ходе выборов магистратов, каковы были сроки исполнения должности. К числу эпиграфических источников принадлежат элоги, опираясь на кото-

рые, мы можем не только проследить карьеру политика, но также получить представление об общих тенденциях развития *cursus honorum* этого периода.

Первостепенное значение для изучения принципата Тиберия и Калигулы имеют труды Тацита, Диона Кассия, Светония, Иосифа Флавия и Филона Александрийского. При изучении государственной системы принципата очень ценны «Дигесты» – отрывки из сочинений римских юристов, являющиеся важнейшей частью Кодификации Юстиниана. Дополнительные сведения о развитии должностей немагистратского характера дают юридические главы сочинения Фронтинуса «О водопроводах города Рима». Сопоставляя сведения, имеющиеся в нарративной традиции, с данными эпиграфики мы имеем возможность выявить общие тенденции развития политической системы, определить факторы, которые оказали наибольшее влияние на этот процесс.

Степень разработанности темы. Проблеме становления и развития принципата посвящены, главным образом, труды обобщающего характера. Традиция изучения государственно-правовой системы была заложена Т. Моммзеном, который признавал необходимым учитывать «исторический опыт политических учреждений древнего Рима»¹. В рамках созданной им теории диархии, Т. Моммзен рассматривал принцепса в качестве магистрата. Отмечая монархическую тенденцию в политическом строе принципата, он, однако, оспаривал точку зрения о том, что с установлением *principatus* наступил конец конституционного республиканского порядка. Согласно его мнению, принципат нельзя противопоставлять республике, а стоит рассматривать как ее реставрацию². Концепция Теодора Моммзена была встречена научным сообществом неоднозначно. У нее нашлись как сторонники, так и оппоненты, последние в большинстве своем придерживались идеи о монархической сущности принципата.

Попытку пересмотра всей «системы Моммзена» предпринял Г. Зибер, автор «Римского конституционного права в историческом развитии»³. Труд Г. Зибера не стал вторым изданием «Римского государственного права», а сам автор, по выражению В. Ниппеля, остался «в рамках государственно-правового поля», созданного Т. Моммзеном⁴. Исследование, принадлежащее Г. Зиберу, положило начало новой дискуссии по проблемам государственно-правового устройства Рима.

В конце XIX-XX вв. попытки дефинировать принципат как политическую систему привели к развитию «правовых концепций». В рамках изучения публично-правовых реалий появилось несколько трактовок принципата. Согласно одной из них – принципат являлся «восстановленной республи-

---

¹ См.: Кофанов Л.Л. Теодор Моммзен и его вклад в науку римского права // ВДИ. 2004. №4. С. 196.

² Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Leipzig, 1875. Bd. 2. Aufl. 2. S. 725, 727, 787.

³ Siber H. Römische Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung. Baden, 1952.

⁴ Nippel W. Frank Behne: Heinrich Siber und das “Römische Staatsrecht“ von Theodor Mommsen. Ein Beitrag zur Rezeptionsgeschichte Mommsens in 20. Jahrhundert // Gnomon. 2002. Bd. 74. H. 5. S. 468.

кой»⁵. Другая расценивала систему, заложенную Августом, в качестве монархии⁶. Концепции, признававшие монархическую сущность принципата при внешнем сохранении прежних республиканских форм, получили название «теория фасада»⁷.

Наряду с «правовыми» были созданы и развивались альтернативные концепции принципата, которые объединили «многослойный комплекс»⁸ теорий. Внимание исследователей в них сконцентрировано не на публично-правовых (формально-правовых) механизмах Римского государства, а на других аспектах. Например, на социальных основах господства принцепса (М. Гельцер, Р.Сайм, А. фон Премерштейн, В.С. Сергеев, Н.А. Машкин), на сакральных основах его власти (М.П. Чарльзуорт), на проблемах идеологии принципата в целом (Ж. Беранже, Л. Виккерт) и т.д.⁹

В конце XX столетия было развито понимание принципата как политической системы, в условиях которой продолжали функционировать республиканские публично-правовые структуры. Дж. Шайд обосновывает идею о том, что принципат в начале становления нельзя трактовать в качестве монархии¹⁰. Автор считает принципат «восстановленной республикой» при «умеренном возвышении» принцепса¹¹.

Таким образом, при изучении государственно-правовой организации принципата, исследователи характеризовали политическую систему в целом, охватывая период I–III вв. Предлагая «суммарное» видение проблемы, авторы, как правило, не уделяли должного внимания (в силу обобщающего характера работ) характеристике государственно-правовой системы при отдельных принцепсах. Развитие принципата при Тиберии и при Калигуле было отмечено не только наличием общих черт, но и особенностями, нюансами, которые возникали в силу различных факторов, в том числе и субъективных.

В работах, посвященных правлению и Тиберия, и Гая, нередко в качестве главных проблем стоят вопросы внутривластного развития. Э. Корнеманн, говоря о своеобразии принципата (при Тиберии), подчеркивал соперничество традиционного аристократического духа и монархических уст-

---

⁵ Эта точка зрения была высказана Эд. Мейером. См.: *Историография античной истории* / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1980. С. 144-145, 213; *Ferrero G.* Величие и падение Рима. В 5 т. Т. 3. М., 1916. С. 441.

⁶ *Gardthausen V.* Augustus und seine Zeit. Т. II.1. Berlin, 1904; *Гримм Э.Д.* Исследования по развитию императорской власти. Т. 1. СПб., 1901. С. 34; *Dessau H.* Geschichte der Römischen Kaiserzeit. Bd. 2. Abt. 1. Berlin, 1926. S. 104; *Kienast D.* Augustus: Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 1992. S. 177.

⁷ *Arangio-Ruiz V.* Storia del diritto Romano. Napoli, 1937. P. 204; *Heuss A.* Römische Geschichte. Braunschweig, 1960. S. 267; *Jones A.H.M.* Augustus. London, 1970. P. 167; *Межерницкий Я.Ю.* Республиканская монархия: метаморфозы идеологии и политики Августа. М., Калуга, 1994. С. 377.

⁸ *Dahlheim W.* Geschichte der Römischen Kaiserzeit. München, 1989. Bd. 3. S. 20.

⁹ *Ibid.* S. 20

¹⁰ *Jacques F., Scheid J.* Rome et l'intégration de l'Empire. T.1. Les structures de l'Empire romain. P. 1996. P. 5.

¹¹ *Ibid.* P.39.

ремлений¹². В XX в. появляются монографии, авторы которых подвергают критическому анализу сведения нарративных источников, прежде всего, сообщения Тацита. В исследованиях Ф.Б. Марша, Ч. Смита, Р. Сиджера, Б. Левик отмечено стремление Тиберия сохранить паритет в отношениях с сенатом, а также подвергнут сомнению вывод о масштабности процессов по Закону об оскорблении величия. В отечественной историографии особое внимание времени правления первых преемников Августа уделено в работах А.Б. Егорова и К.В. Вержбицкого¹³.

Принципату Калигулы посвящено значительно меньше исследований, чем принципату Тиберия. В ряде работ авторы отмечают наличие эллинистических тенденций во внутривосточном развитии (Р. Огет, К.-П. Джон, Я.Ю. Межеричский и др.)¹⁴. Противоположное мнение было высказано Э. Баррет, которая пришла к выводу о том, что нельзя преувеличивать приверженность Калигулы египетской культуре и обычаям. Ему незачем было обращаться к примеру восточных правителей, так как истоки самовластия были заложены в *imperium*¹⁵.

Другим направлением исследований стали работы, в которых выявляется и анализируется психологическая природа поступков принципсов, их ментальность¹⁶.

Одной из последних работ стал труд А. Винтерлинга «Калигула»¹⁷. Автор исходит из идеи о том, что принципс должен был считаться с традиционным сознанием аристократов. А. Винтерлинг использует понятие «политическая коммуникация», под таким углом зрения он и рассматривает правление Гая. «Политическая коммуникация» подразумевала определенный стиль поведения и взаимоотношений. В 39 г. Гай отказался, по мнению немецкого исследователя, от принципа политической коммуникации, и через два года это привело его к гибели.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов и выводов в общих курсах и спецкурсах по исто-

---

¹² Kornemann E. Kaiser Tiberius. Die Tragödie des Menschen // Kornemann E. Staten. Völker. Männer. Aus der Geschichte des Altertums. Leipzig, 1934. S. 79; *idem*. Römische Geschichte. Stuttgart, 1938. Bd. 1. S. 249-250.

¹³ Егоров А.Б. Рим на грани эпох: Проблемы зарождения и формирования Принципата. Л., 1985. С. 41; Вержбицкий К.В. Правовое оформление и реальные основы власти Августа // Проблемы античной истории: Сб. научных статей: К 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2003. С. 280, 281. К.В. Вержбицкий принципату Тиберия посвятил отдельное исследование «Развитие системы принципата при императоре Тиберии» и ряд статей, опубликованных на сайте www.centant.pu.ru.

¹⁴ Auguet R. Caligula ou le pouvoir à vingt ans. Paris, 1984; John K.-P. Caligula // Lexikon der Antike. Leipzig, 1977. S. 108; Межеричский Я.Ю. «Модели» единоличного правления в идеологии раннего принципата // Античная гражданская община. М., 1984. С. 106.

¹⁵ Barret A. Caligula: the corruption of power. London, 1989. P. 221.

¹⁶ Weber G. Kaiser Träume und Visionen in Prinzipat und Spätantike. Stuttgart, 2000; Somville P. Psychographie de Tibère // L'Antiquité classique. Paris, 2002; Caratini R. Tibère ou la mélancolie d'être. N., 2002.

¹⁷ Winterling A. Caligula. Eine Biographie. München, 2003.

рии древнего мира, римскому публичному праву, в курсах по историографии античной истории.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены в докладах на следующих конференциях:

III Международная научная конференция «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права» (Ярославль: ЯрГУ – Москва: ИВИ РАН, 2003 г.);

Всероссийская научная конференция, посвященная 200-летию Ярославского государственного университета (Ярославль: ЯрГУ, 2003 г.);

Всероссийские научные конференции XIV и XV Сергеевские чтения (Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005 и 2007 гг.);

Всероссийская научная конференция «Личность в политике, науке, культуре» (Ярославль: ЯрГУ, 2005 г.);

Международный научный семинар «Римское право и современность» (Москва: ИВИ РАН, 2005 г.);

Российско-германская научная конференция «Народ и демократия в древности» (Ярославль: ЯрГУ, 2007 г.)

На защиту выносятся следующие положения:

1. Государственно-правовая система принципата основывалась на республиканском фундаменте. Он оставался неизменным как при Тиберии, так и при Калигуле. Но фактическое состояние составных частей «каркаса» принципата могло отличаться от формального (юридического) положения. В период принципата Тиберия республиканские органы власти, прежде всего сенат, усилили свою роль в управлении государством. Тиберий оказался более последовательным, чем Август, в сохранении «*res publica restituta*». Калигула отошел от практики своего непосредственного предшественника. При нем власть принцепса характеризуется укреплением единоличных начал. Эта тенденция соответствует общему процессу – утверждению авторитарных принципов руководства в государственно-правовой системе принципата.

2. Власть принцепса складывалась из полномочий республиканских магистратов и плебейских трибунов. В Риме основным инструментом осуществления власти принцепса стала *tribunicia potestas*, за пределами Рима и Италии – *imperium*. Принцепс контролировал все важнейшие сферы деятельности государства. Комплекс его властных полномочий сложился уже ко времени Калигулы. *Summa potestas* дополнялась отдельными полномочиями, перечисленными в Законе о власти Веспасиана.

3. При передаче преемнику власти принцепса были задействованы республиканские механизмы. Формально узаконить его положение, а значит, вручить власть, имели право только сенат и комиции. Но фактически кандидатуру будущего принцепса определяла армия, выступавшая инициатором провозглашения нового правителя.

4. Сенат, контролирующий и распорядительный орган власти, не только сохранил значение в новых политических условиях, но и расширил сферу своей компетенции.

6. *Populus* оставался непосредственным участником политической жизни Рима. Используя внеправовые средства, он имел возможность влиять на политическую ситуацию. Отношения принцепса и народа носили патронатный характер.

7. Принцепсы способствовали появлению административных должностей (префектов и кураторов), имевших республиканские прототипы. Введение должностей кураторов и префектов (*officia*) расширяло систему исполнительной власти Римского государства. Они были включены в *cursus honorum* отдельного сенатора. Развитие *officia* способствовало укреплению положения принцепса в государственно-правовой системе.

II. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

Во **введении** определены проблема и предмет исследования, поставлены цели и задачи, дан анализ источников и историографии по основным изучаемым вопросам.

Первая глава «ПРАВЛЕНИЕ ТИБЕРИЯ И КАЛИГУЛЫ: СОДЕРЖАНИЕ ВЛАСТИ ПРИНЦЕПСА» состоит из четырех параграфов. В первом параграфе **«Проблема основ власти принцепса в исследовательской литературе»** рассмотрены характеристики власти Августа, основателя принципата, имеющиеся в антиковедческих трудах. Отправной точкой для исследователей стало признание в качестве основ власти принцепса *imperium* и *tribunicia potestas*. Распространенным является мнение о том, что базисом для оформления и развития власти принцепса послужили экстраординарные магистратуры поздней Республики¹⁸. Большинство исследователей первостепенное значение придают *imperium*, который понимается как «*maius*» и «*infinium*». В исследовательской литературе отсутствует единство мнений относительно трактовки *imperium maius* принцепса. Х. Ласт отмечал, что власть принцепса значительнее, чем власть остальных должностных лиц¹⁹. По мнению М. Хаммонда, основное преимущество этой власти заключалось в праве решающего голоса в спорных ситуациях²⁰. Й. Бляйкен считал, что фактически Август был наделен высшим империем, но не в смысле «высшей компетенции», а в значении *potestas maior*²¹, подразумевая, прежде всего, систему должностных отношений, должностную иерархию²². Точка зрения немецкого исследователя представляется нам справедливой.

¹⁸ См., например: *Bleicken J. Imperium // Der Kleine Pauly Lexikon der Antike. München, 1972. Bd. 22. Sp. 1383; Егоров А.Б. Римское государство и право. СПб., 2006. С. 111, 114.*

¹⁹ *Last H. Imperium maius: a note // Journal of Roman Studies. London, 1947. № 37. P. 157.*

²⁰ *Hammond M. The Augustian Principate. Cambridge, 1933. P. 41.*

²¹ *Bleicken J. Verfassung- und Sozialgeschichte des Römischen Kaiserreiches. München, 1995. Bd.1. Aufl. 4. S. 39.*

²² См.: *Дементьева В.В. Государственно-правовое устройство античного Рима: ранняя монархия и республика. Ярославль, 2004. С. 109.*

Основные исследовательские вопросы касаются также содержания империя принцепса. Т. Моммзен высказал мнение, позднее закрепившееся в историографии, о том, что империй был нужен принцепсу первоочередным порядком, так как он давал право верховного командования²³. Неоднозначно решается и проблема территориального охвата действия империя. Ряд авторов отстаивали идею о том, что империй имел силу в пределах померия и в сенатских провинциях²⁴. Другие оспаривали это утверждение, полагая, что речь должна идти, главным образом, об императорских провинциях и областях, потенциально опасных для рах Романа и власти принцепса²⁵. А. фон Премерштейн, затем и П. Франчиши сделали акцент на функции *cura et tutela*, закрепленной за принцепсом. Благодаря ей он мог контролировать любые территории государства, в том числе Город в пределах *romerium*²⁶. Противоположное мнение высказал Н.А. Машкин, считавший, что империй позволял действовать на всей территории Римского государства, за исключением Рима и Италии²⁷. Еще одна черта *imperium* принцепса – формальное ограничение по сроку исполнения и его фактическая бессрочность. Значение трибунской власти для принцепса исследователи оценивают по-разному. Р. Сайм считал ее «специфической» и «эфемерной»²⁸. Высказывалась мысль о том, что *tribunicia potestas* принцепса была «действующей» властью и за пределами собственно Рима²⁹. Иного взгляда придерживался Н.А. Машкин. Он предполагал, что трибунская власть позволяла принцепсу действовать только в Риме³⁰. Главное право для принцепса, которое было связано с трибунской властью, – это право интерцессии. Значение *tribunicia potestas* для оформления власти принцепса подчеркивалось также Ф.А. Михайловским, А.Б. Егоровым (по мнению которого принцепс стал «постоянным трибуном»), К.В. Вержбицким (отметившим, что трибунская власть была преобразована «в некое подобие магистратуры»)³¹.

Общей чертой, присущей как *imperium*, так и *tribunicia potestas* со времени Августа являлось отделение власти от должности.

---

²³ *Mommsen Th.* Op. cit. S. 791.

²⁴ *Siber H.* Op. cit. S. 280; *Шуфман И.Ш.* Цезарь Август. Л., 1990. С. 99; *Bengtson H.* Kaiser Augustus. Sein Leben und sein Zeit. München, 1981. S. 59; *Arangio-Ruiz V.* Op. cit. P. 205.

²⁵ *Heuss A.* Op. cit. S. 266; *Bleicken J.* Verfassung- und Sozialgeschichte. S. 39; *Гапсуа Гяппудда М.Х.* Римское частное право: казусы, иски, институты. М., 2005. С. 54.

²⁶ *Francisci P.* Genesi e struttura del principato Augusteo. Roma, 1941. P. 41; *Premmerstein A.* Vom Werden und Wesen des Prinzipat. München, 1937. S. 117, 124.

²⁷ *Машкин Н.А.* Принципат Августа: Происхождение и социальная сущность. М., Л., 1949. С. 342; *он же.* История древнего Рима. М., 1950. С. 395.

²⁸ *Syme R. H.* *Siber.* Das Führeramnt des Augustus // *Syme R.* Roman papers. Oxford, 1979. Vol. 1. P. 182.

²⁹ *Bengtson H.* Op. cit. S. 59.

³⁰ *Машкин Н.А.* Принципат Августа... С. 342.

³¹ *Михайловский Ф.А.* Роль трибунских полномочий при передаче власти в период первых принцепсов // *IVS ANTIQVVM.* Древнее право. 1996. № 1. С. 129-134; *Егоров А.Б.* Римское государство и право... С. 100; *Вержбицкий К.В.* Правовое оформление и реальные основы власти Августа... С. 270, 272, 273.

Во втором параграфе «**Initium принцепса: порядок передачи власти первым преемникам Августа**» основными рассмотренными вопросами стали следующие. Кто участвовал в наделении преемника принцепса властью? Какой властью наделялся принцепс? В исследовательской литературе представлены несколько точек зрения по проблеме. Т. Моммзен полагал, что из этого процесса были исключены комиции³². А. Пабст указала, что было необходимым участие в процедуре органа власти, который имел соответствующую компетенцию вручать *impegium*³³. По мнению автора, формула «SPQR» сохраняет свое значение, но степень участия *senatus* и *populus* в процессе вручения власти принцепса была различной. А. Пабст подчеркнула, что в этом процессе с «неформальной» стороны могли принять участие так же и солдаты, которые являлись «гражданами в зоне *militae*», и народ *urbs provinciales* с правом римского гражданства. Дж. Шайд отмечает, что новому принцепсу полномочия предоставлялись традиционным путем. «Теоретический сценарий» наделения властью включал следующие действия: сначала солдаты единодушно провозглашали будущего принцепса. Затем сенат одобрял их решение. Тогда же сенат предлагал созвать комиции для того, чтобы предоставить избранному власть³⁴. Голосование в комициях – это один из важных этапов наделения властью принцепса. Власть предоставлял народ по предложению сената. Хотя эту процедуру нельзя считать реальными выборами, никакой принцепс не мог править без формальной инвеституры³⁵. Таким образом, утверждение в комициях рассматривается Дж. Шайдом как один из главных этапов предоставления власти принцепса.

Проанализировав историко-литературную и правовую традиции, мы сделали следующие выводы. Порядок передачи власти Тиберию, а затем и Гаю включал несколько этапов. Первый – принесение присяги преемнику принцепса. Она закрепляла право верховного командования. Однако процесс принесения присяги Гаю отличался от процесса ее принесения Тиберию. Тиберий принимал присягу «опосредовано», и первыми ему приносили ее консулы. Затем они принимали ее у префекта преторианской гвардии (*Tac. Ann. I. 7*). Фактически консулы играли роль «посредников». Данная присяга была адресована будущему принцепсу. В силу этого Тиберию обеспечивалась поддержка военных подразделений, расположенных в Италии. Гай, напротив, непосредственно сам принимал присягу на воинской сходке, провозгласившей его «императором».

Второй этап вручения власти, как Тиберию, так и Калигуле, проходил в сенате. На заседании сената было принято решение о предоставлении преемнику полномочий принцепса, т.е. тех прав, которыми обладал предшественник, являясь *princeps*. Для Тиберия процесс наделения властью принцепса на этом завершался.

³² *Mommsen Th. Op.cit. S. 789.*

³³ *Pabst A. Comitia imperii. Ideelle Grundlagen des römischen Kaisertums. Darmstadt, 1997. S.154.*

³⁴ *Jacques F., Scheid J. Op. cit. P. 23.*

³⁵ *Ibid. P. 23, 24, 25.*

Для Гая был обязателен третий этап – «комициальный», который имел уже формальное значение, но был необходим для окончания процедуры передачи власти. Дион Кассий упоминает о присутствии на заседании сената «представителей» народа (LIX. 6.1). Их задача сводилась к утверждению решения о предоставлении власти Калигуле.

Вопрос о власти, врученной преемнику принцепса, имеет принципиальное значение для характеристики государственно-правовой системы принципата. На заседании сената 17 сентября 14 г. Тиберию были предоставлены дополнительные права, но не *imperium*, так как со смертью Августа он не прекратил осуществлять своих полномочий, источником которых был империй. Положение Гая на начало процедуры передачи власти отличалось от положения Тиберия. Калигула являлся частным лицом. *Imperium* был вручен Калигуле заочно, до прибытия в Рим, на заседании сената 18 марта. Этому предшествовало провозглашение войсками его «императором». Гай, как и Тиберий, перед решающим заседанием сената обладал империем. На следующем заседании сената Гаю была поручена «высшая власть», т.е. даны дополнительные полномочия, известные по *Lex de imperio Vespasiani*. Таким образом, в основе порядка передачи преемнику власти принцепса лежали республиканские публично-правовые конструкции. В рамках прежнего механизма вручения власти произошло перераспределение функций, соответственно роль одних органов власти становилась второстепенной, позиции других властных институтов укреплялись.

В третьем параграфе «Содержание и методы реализации принцепсом властных полномочий» устанавливается, что важным компонентом власти принцепса стал проконсульский империй, благодаря чему обеспечивалась возможность деятельности в военной сфере, с которой был связан титул «*imperator*». Принцепс становился императором не в силу своего полководческого таланта, а в связи с тем, что обладал правом контроля над армией. Он имел полномочия отдавать приказ войскам, назначать главнокомандующего для ведения военных действий, определять сроки военных кампаний. К полномочиям принцепса относилось и право назвать имя нового управляющего провинцией. Тем самым он оказывал влияние на выборы проконсулов, пропреторов или легатов. Наряду с правом назначения принцепс имел и право отстранения от должности наместника провинции. В силу обладания империем, дополненным полномочиями, известными из Закона о власти Веспасиана, принцепс контролировал положение дел во всех провинциях. Основой власти принцепса являлись также полномочия плебейского трибуна. В эпоху раннего Принципата трибунская власть стала обозначением «высшей власти» в государстве (*Tac. Ann.* III. 56). Принцепсы неслучайно наделяли своих преемников трибунскими полномочиями. Трибунская власть предоставляла большие возможности для деятельности непосредственно в Риме. Основное право – право *veto*. Формально процедура интерцессии сохранялась. Но она не могла быть использована против решений принцепса, так как он не рассматривался в качестве коллеги по отношению к другим плебейским трибунам. Это вело к снижению значения *ius intercessionis* и изменению его роли в

системе государственного права. Фактическое отсутствие возможности оспорить мнение принцепса и предлагаемые им меры было связано не только с переносом данных прерогатив на личность принцепса, но и в силу его исключительной *auctoritas*. Трибунские полномочия позволяли ему выступать с законодательными предложениями. Он имел право созывать сенат на заседания. Время правления Тиберия и Калигулы исчислялось по годам принятия трибунской власти. Она имела не только политическое, но и идеологическое значение. Имея власть плебейского трибуна, принцепс воспринимался в качестве защитника народа. С правовой точки зрения, принцепс реализовывал свои полномочия в рамках установленных традицией норм: проконсульский империй – в провинциях, трибунская власть – в Риме.

В четвертом параграфе «**Principes и populus: характер взаимодействия**» рассмотрен римский народ как участник политического процесса. Воля римского народа выражена формулой: «*iussu populi*» (D.I.II.23; *Tac. Ann.* XII.5), или как вариант «*in civium iudicio esse*» (*Tac. Ann.* XV.20). С формальной точки зрения коллектив граждан выступает как отдельный субъект публично-правовой деятельности. Однако практически не известно о функционировании трибунных комиций. Центуриатные комиции, избиравшие магистратов, претерпели некоторые изменения³⁶. Их функции были ограничены³⁷. Уровень политического влияния *populus* определялся не только формально-юридическими критериями. Общественное мнение, которое часто выражается понятием «*fama*», хотя и не заключало в себе юридической силы, имело значительное психологическое воздействие на принцепса. Поступки принцепсов имели общественную значимость. Римский народ мог дать им как положительную, так и отрицательную оценку. *Populus* выносил свои суждения независимо от воли *principes*. Не считаться с суждением римского народа принцепсы не могли. Принцепс воспринимался в качестве патрона по отношению к *populus*.

Вторая глава «СЕНАТ И DOMUS PRINCIPIS В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ПРИНЦИПАТА (14-41 гг.)» содержит три параграфа. В первом «**Организация деятельности сената**» рассмотрены проблемы, касающиеся процедуры созыва сената, обсуждения вопросов, принятия решений в сенате. Традиционным местом заседания являлась *Curia*. Тиберий редко переносил заседания из Курии, что можно расценивать как знак уважения к высокому собранию и признание им авторитета сената. Со второй половины 20-х гг., после того, как Тиберий принял решение удалиться на Капри, обычным местом собрания сената оставалась *Curia Iulia*. Там же сенат предпочитал собираться и при Калигуле. В эпоху Тиберия сенат заседал регулярно. О деятельности его в правление Калигулы известно значительно меньше, чем при Тиберии. Непредсказуемость в поведении Гая заставляла сенаторов действовать осторожно. При Тиберии сенаторам было строжайше предписано являться на

³⁶ *Jacques F., Scheid J. Op. cit. P. 49.*

³⁷ *Балахванцев А.С. Избирательные комиции в эпоху Юлиев-Клавдиев // Власть, человек, общество в античном мире. Доклады конференций 1996 и 1997 гг. М., 1997. С. 152.*

заседания (*Tac. Ann. IV. 19*). Кроме того, принцепс мог высказать свое недовольство, если дело, представленное на рассмотрение в сенат, слушалось при неполном составе (*Tac. Ann. VI. 12*). Без специальной санкции сенаторы не могли покинуть пределы Рима и Италии. При Тиберии и Калигуле это разрешение выдавалось самим сенатом, позже при Клавдии оно будет предоставляться принцепсом. Программа заседаний сената составлялась предварительно. Присутствие принцепса на заседаниях стало правилом. Их ход был традиционным. Каждое заседание открывалось *relatio*. При Тиберии, а позднее и при Гае доклад могли сделать как принцепс, так и магистраты или плебейские трибуны. За выступлением докладчика следовало обсуждение. Принцепс и сенаторы высказывали свое мнение. После того, как прозвучали *sententia*, сенаторы могли приступить к голосованию – *ire in suffragium*. В эпоху раннего Принципата использовался такой способ голосования как дисцессия. Он исключал устное высказывание и был удобен в том случае, когда принцепсу требовалось исключить вопрос из прямого обсуждения. В случае отъезда принцепса из Рима в порядок деятельности сената вносились некоторые изменения. Основной способ сообщения между ними заключался в отправке посланий или писем. При первых преемниках Августа организация деятельности сената не претерпела серьезных изменений. Принцепс являлся, прежде всего, *princeps senatus*. Формально сохранялся прежний порядок рассмотрения различных вопросов. Но, являясь «постоянным первоприсутствующим», обладая *auctoritas*, принцепс получил возможность оказывать влияние на деятельность сената.

Во втором параграфе «**Полномочия сената**» исследованы важнейшие политические функции этого органа власти. Сенат совместно с принцепсом обсуждал вопросы провинциального управления. Он рассматривал обращения представителей городов провинций, действовал по принципу «запроса», т.е. он отвечал на жалобы, просьбы и обращения, инициированные самими провинциалами. Нередко к обсуждению привлекались и бывшие наместники провинций. Ходатайства, представленные в сенат, касались не столько проблем, регулировавших внутреннюю жизнь самих провинций, сколько отношений с Римом. Сенат принимал участие в назначении на должность проконсула, а также регламентировал его деятельность. В ведении сената сохранялись религиозные вопросы, например, обсуждение кандидатуры на должность главы жреческой коллегии, постройка храмов, введение нового культа, учреждение новой жреческой коллегии. Еще одна функция была связана с обеспечением общественного спокойствия и безопасности Рима. При Тиберии сенат приобретает новую функцию – избрание высших должностных лиц. Эта реформа укрепляла положение сената в политической системе. Важным проявлением власти являлось право издавать постановления, имеющие силу закона. Используя практику дерогации, издавая *SC*, сенаторы вносили изменения в существующие *leges*. Сенат также играл роль судебной инстанции. Компромисс – так можно определить главный принцип политики Тиберия по отношению к сенату. В отличие от Тиберия Гай отошел от этого принципа, что фактически усилило его личную власть.

В третьем параграфе «**Inter filios et leges: конкуренция сената с domus principis**» сделаны выводы о соотношении политического влияния сената и дома принцепса. При Тиберии и Калигуле двор в качестве «властной структуры» еще не сложился. Можно говорить не о влиянии двора, а о влиянии отдельных лиц. Проблема конкуренции рассмотрена на примере избрания высших магистратов – консулов. Проанализировав нарративную традицию и эпиграфические данные, мы пришли к следующим выводам. Из числа перечисленных в консульских фастах имен только 30% можно считать «ставленниками» принцепсов. Таким образом, лишь треть магистратов каким-либо образом была связана с принцепсом или принадлежала к domus principis. Две трети должностных лиц выбирались сенатом по его усмотрению. Формально источники не дают оснований твердо говорить об определенной заинтересованности принцепса в продвижении своих кандидатов. Но благодаря обширным клиентским связям он имел возможность влиять на исход выборов.

Третья глава «OFFICIA В СТРУКТУРЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ» содержит четыре параграфа, в которых рассмотрена деятельность префектов и кураторов, сделан вывод об основных принципах функционирования должностей – officia. Первый параграф «**Должность praefectus urbi при первых преемниках Августа**» посвящен изучению деятельности городского префекта. При Тиберии и Гае Калигуле последовательно действовали четыре префекта: Луций Кальпурний Пизон, Луций Элий Ламия, Гней Корнелий Лентул, Квинт Санквиний Максим. Со времени Августа эта должность была восстановлена в исходном объеме, и можно говорить о ее генетической связи с praefectus urbi предшествовавшей эпохи. Но с течением времени она претерпела ряд изменений, преобразовавшись в должность управленческого аппарата при принцепсе. В правление Тиберия прослеживаются два этапа в развитии должности префекта Города. Границей между ними являлся 26 г. – год, когда городской префект официально стал постоянно действующим должностным лицом. Несмотря на то, что существовало формальное ограничение срока полномочий, в период с 14 по 26 г. praefectus urbi фактически не прерывал своей деятельности. Его функционирование, как свидетельствуют источники, уже не связывалось с самим фактом отсутствия принцепса в Риме и наличием у него в этот период консульской власти. Назначение на любую должность, в том числе и praefectus urbi, зависело, главным образом, от воли принцепса – *vi principis* (Tac. Ann. III. 12). Префект Города был человеком, как правило, относившимся к кругу *amicis* принцепса, и имевшим сенаторский ранг. Обязанности praefectus urbi состояли в сохранении общественного спокойствия, в наблюдении за безопасностью города, в предупреждении возможных волнений.

При первых Юлиях-Клавдиях должность городского префекта претерпела значительные изменения. Из республиканского должностного лица – «временного заместителя» высшего магистрата – praefectus urbi превратился в функционера при принцепсе. Эволюция коснулась и срока полномочий городского префекта. Эта должность стала постоянной. Но, возможно, для ее дальнейшего исполнения требовалась процедура формального продления

мандата, данного принцепсом. Не исключено, что эта должность оплачивалась. Сочетание прежнего значительного объема компетенции (в некотором отношении даже расширенного) и нового механизма осуществления властных полномочий сделало эту должность – в условиях принципата – действенной и влиятельной.

Во втором параграфе **«Организация управления в сфере cura annonae»** сделан вывод о выделении сферы annonae в самостоятельную отрасль административного управления. Должность префекта анноны являлась третьей по значению после должностей префектов претория и Города³⁸. Начиная со времени Августа, при Тиберии, затем и при Калигуле служба префекта анноны работала постоянно, что свидетельствовало об обособлении в отдельную область административного управления задач по снабжению продовольствием. Принцепс лично назначал префекта. Подобная практика была обусловлена тем, что *princeps* брал на себя задачу *cura annonae*. На должность префекта анноны назначался представитель всаднического сословия. Префектом по снабжению продовольствием в последние годы правления Августа, при Тиберии и Калигуле был Гай Туранний. В обязанности префекта входила заготовка, доставка и хранение зерна. Другая не менее важная функция – раздача зерна – возлагалась на *praefecti frumenti dandi ex s.c.* Координатором их деятельности выступал принцепс. Создававшаяся префектура анноны представляла собой «учреждение» лишь для Рима. При Тиберии и Калигуле в провинциях не существовало «филиалов» префектуры анноны. Префект по снабжению продовольствием имел в своем распоряжении штат должностных лиц, которые могли дублировать функции низших магистратов. Это свидетельствовало о том, что *praefectura annonae* находилась на стадии организационного становления.

Третий параграф **«Кураторы водоснабжения Рима»** посвящен изучению причин появления этой должности, принципов функционирования кураторов, сферы их деятельности. В последний год жизни Августа и в период правления Тиберия и Гая сменилось 6 смотрителей водопроводов (*Front. De aq. 102*). Срок исполнения должности не был годичным. Он мог варьироваться от нескольких месяцев до 11 лет. Полномочия нового должностного лица определялись эдиктом Августа. В сочинении Фронтинана не упоминается специальное постановление или закон об изменении объема функций эдилов и цензоров. По-видимому, формально они сохраняли за собой обязанности, связанные с контролем над функционированием римской системы водоснабжения. Таким образом, куратор водопроводов, а также эдилы и цензоры дублировали друг друга в данной сфере *cura urbis*. Однако фактически объем полномочий республиканских магистратов был уменьшен. Его изменение произошло естественным путем. Перемены стали результатом возросших возможностей (прежде всего, финансового характера) принцепса.

---

³⁸ *Coarelli F. Gli spazi della vita sociale // Roma imperiale: Una metropoli antica. Roma, 2000. P. 94.*

В четвертом параграфе «**Публично-правовые механизмы функционирования officia**» в обобщающем виде представлены публично-правовые основы деятельности префектов и кураторов. Officia выкристаллизовывались в недрах республиканской системы исполнительной власти. Их содержанием нередко являлись видоизмененные функции магистратов. Полномочия этих должностных лиц сформировались за счет расширения и детализации отдельных сфер cura urbis. При этом не издавались постановления, которые изъяли бы у республиканских магистратов соответствующую область управления, поэтому можно считать, что формально они продолжали осуществлять свою деятельность. Но их роль постепенно снижалась. Officia создавались двумя способами. Первый – посредством мандата принцепса. Второй – путем принятия сенатского постановления, эдикта принцепса и закона. Носителями мандата, как правило, становились префекты. Принцепс делегировал власть, т.е. предоставлял мандат доверенному лицу на управление в какой-либо сфере. Решение о предоставлении мандата принималось по согласованию с сенатом. Однако право решающего голоса оставалось за принцепсом. Процедура наделения особыми полномочиями для выполнения поручения принцепса осуществлялась за сравнительно короткое время и не была рассчитана на долгое обсуждение в сенате. Формально временный характер мандата сохранился. Но благодаря процедуре его продления, власть носителя мандата фактически не прекращалась. Круг служебных полномочий носителя мандата создавал сферу компетенции. Наличие должностных обязанностей подразумевало и способы их реализации. Таким образом, шло постепенное обособление будущей должности от своего «первоисточника».

Примером другого варианта является учреждение должности куратора. Прежде всего, речь идет о должности куратора общественной воды. Он получал право и власть – ius potestasque (*Front. De aq.* 129). Триединство актов (закон, сенатусконсульт и эдикт) стало необходимым компромиссом между принцепсом, сенатом и народом, оно являлось важным условием существования самого принципата.

В **заключении** сформулированы общие выводы, сделанные в ходе исследования (см. положения, выносимые на защиту).

В **приложении** даны две таблицы: первая – «Сопоставление основных политических событий по годам в изложении Диона Кассия и Тацита (правление Тиберия)», вторая – «Принадлежность консулов к знатым фамилиям (14-41 гг.)».

Список использованных источников и литературы содержит 311 названий.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В изданиях, рекомендованных ВАК для публикации результатов диссертаций:

1. Великанова Е.Н. *Initium* принцепса: порядок передачи власти первым преемникам Августа // Вестник древней истории (М.: РАН), 2007. № 3. (1 п.л.)

В других изданиях:

2. Великанова Е.Н. Объективные факторы мотивации поступков Гая Калигулы // Путь в науку: Сб. науч. работ асп. и студ. исторического факультета /Под ред. А.М. Селиванова. Ярославль: ЯрГУ, 2002. Вып.7. С. 47-50.

3. Великанова Е.Н. Политико-правовые компоненты власти императора Тиберия // Антиковедение и медиевистика: Сб. науч. тр. /Отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль: ЯрГУ, 2002. Вып. 4. С. 45-56.

4. Великанова Е.Н. *Apparitores* при Тиберии и Калигуле // *Tabularium*. Труды по антиковедению и медиевистике /Отв. ред. В.В. Дементьева. М., 2003. Т. 1. С. 26-32.

5. Великанова Е.Н. *Domus principis* как элемент системы принципата при Тиберии и Калигуле // Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 200-летию Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова /Отв. за вып. В.В. Дементьева. Ярославль: ЯрГУ, 2003. С. 11-16.

6. Великанова Е.Н. Характер взаимодействия принцепса и сената при Тиберии (14-20 гг.) // *Forum Romanum*. Доклады III Международной конференции «Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права» /Отв. ред. В.В. Дементьева. М., 2003. С. 90-96.

7. Великанова Е.Н. Должность *praefectus urbi* в государственно-правовой системе принципата при первых преемниках Августа // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право (М.: ИВИ РАН, МГУ), 2005. № 2 (16). С. 55-66.

8. Великанова Е.Н. *Officia* в политической системе принципата (начало I в.) // Общество. Власть. Политика. Проблемы всемирной истории. Сб. науч. тр. /Отв. ред. В.В. Дементьева, М.Е. Ерин. Ярославль: ЯрГУ, 2005. С. 44-53.

9. Великанова Е.Н. Эрнст Корнеманн: изучение эпохи принципата и личности Тиберия // Личность в политике, науке, культуре (всемирная история). Доклады Всерос. конф. молодых исследователей /Отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль, 2005. С. 32-38.

10. Великанова Е.Н. Процедура вручения Тиберию и Калигуле власти принцепса // Политика. Идеология. Культура. Проблемы всемирной истории. Сб. науч. тр. /Отв. ред. В.В. Дементьева, М.Е. Ерин. Ярославль: ЯрГУ, 2006. С. 56-67.

11. Великанова Е.Н. «*Inter filios et leges*»: конкуренция сената с *domus principis* (14-41гг.) // Государство. Общество. Религия. Проблемы всемирной истории. Сб. науч. тр. / Отв. ред. В.В. Дементьева, М.Е. Ерин. Ярославль: ЯрГУ, 2007. С. 35-39.

Формат 60x84/16. Тираж 100 экз.

Отпечатано на ризографе
Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова
150000, Ярославль, ул. Советская, 14.